

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В ДИАЛОГЕ ТУРГЕНЕВА И ПИСАРЕВА

© 2020 г. В.И. Щербаков

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 01 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-202-219

Аннотация: Дмитрий Писарев вошел в историю литературы во многом благодаря конгениальной интерпретации романа «Отцы и дети» (1862). Его статьи «Базаров» (1862) и «Реалисты» (1864) убедили общество в том, что нигилисты действительно существуют и что они изображены писателем «совершенно верно» (Н.Н. Страхов). Эти же статьи прояснили саму идеологию нигилизма, представленную И.С. Тургеневым в утрированном виде. Однако Писарев «решительно» не принял следующий роман Тургенева — «Дым» (1867). Причины этого неприятия рассмотрены подробно. Исследованы творческие и личные взаимоотношения Тургенева и Писарева, дана характеристика их общественно-политических взглядов. Основная часть статьи является оригинальным комментарием к переписке Тургенева и Писарева 1867 г., в которой речь идет о «Дыме». Особое внимание уделено проблеме главного героя «Дыма» и парадоксальному факту игнорирования критиком образа Потугина, которому Тургенев придавал большое значение. Диалог писателя и критика выявил принципиальные расхождения в их представлениях об эпохе 1860-х гг. и ее героях, а кроме того, обнаружил и недостаток взаимопонимания, проявившийся в своеобразном *quiproquo*.

Ключевые слова: Писарев, Тургенев, «Отцы и дети», «Дым», литературная критика, 1860-е гг., нигилизм, творческий диалог, *quiproquo*, *квипрокво*.

Информация об авторе: Виктор Игоревич Щербаков — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: Visher111@yandex.ru

Для цитирования: Щербаков В.И. Проблема героя времени в диалоге Тургенева и Писарева // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 2. С. 202–219.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-202-219

THE PROBLEM OF THE HERO OF HIS TIME IN THE DIALOGUE BETWEEN TURGENEV AND PISAREV

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. V.I. Shcherbakov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: September 01, 2019

Date of publication: June 25, 2020

Abstract: Dmitry Pisarev entered the history of literature largely due to the congenial interpretation of the novel *Fathers and Sons* (1862). His articles “Bazarov” (1862) and “Realists” (1864) convinced the public that nihilists really existed and the novel offered their “absolutely true” representation (N.N. Strakhov). The same articles expained the ideology of nihilism presented by Turgenev in exaggerated form. However, Pisarev did not approve of Turgenev’s next novel, *The Smoke* (1867). The article discusses in detail the reasons of Pisarev’s negative review. It also sheds light on professional and personal relations of Turgenev and Pisarev as well as on political views of both. The main part of the article is an original commentary on the correspondence of Turgenev and Pisarev in 1867 around *The Smoke*. Particular attention is paid to the problem of the main character of *The Smoke* and the paradoxical fact that the critic ignored the character of Potugin to whom Turgenev attached great importance. The dialogue between the writer and the critic revealed fundamental differences in their ideas about the 1860s and its heroes, and also exposed a lack of understanding that manifested itself in their *qui pro quo*.

Keywords: Pisarev, Turgenev, *Fathers and Sons*, *The Smoke*, literary criticism, 1860s, nihilism, creative dialogue, *qui pro quo*.

Information about the author: Viktor I. Shcherbakov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: VisherIII@yandex.ru

For citation: Shcherbakov V.I. The Problem of the Hero of His Time in the Dialogue between Turgenev and Pisarev. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 202–219. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-202-219

I

Литературно-критическая деятельность Д.И. Писарева была сосредоточена на изучении «нового типа» в русской жизни и литературе. Он не признал *нового человека* в гончаровском Штольце («Обломов», 1859) и не поддержал энтузиазма Н.А. Добролюбова в оценке тургеневского Инсарова («Накануне», 1860), посчитав обе фигуры сочиненными. Зато нигилист Базаров оправдал надежды Писарева вполне, став его любимым литературным героем.

В статьях «Базаров» (1862) и «Реалисты» (1864) Писарев сделал Базарова знаменем своего поколения и вжил в образ настолько, что стал почти соавтором писателя. «Он в Базарове узнал себя и своих и добавил, чего недоставало в книге», — писал А.И. Герцен [5, т. 20, кн. 1, с. 335]. Сам же Тургенев характеризовался Писаревым как «великий художник и честный гражданин России», сумевший разглядеть в Базарове тип сильный и перспективный [11, т. 4, с. 201].

При всех преувеличениях слишком субъективного анализа Писарев оказался много ближе к адекватному истолкованию романа, чем критик «Современника» М.А. Антонович, который одновременно с ним заявлял прямо обратное — что Базаров «не характер, не живая личность, а карикатура», и даже уверял, что «новое произведение г. Тургенева крайне неудовлетворительно в художественном отношении» («Асмодей нашего времени», 1862) [1, с. 42, 36]. Разбор Антоновича был заведомо необъективен и транслировал точку зрения «отцов» русской демократии. Писарев же подчеркивал, что Базарова могут понять только молодые и «свежие» люди. Последнее слово он повторял часто: «Базарову некого любить, потому что

вокруг него все мелко, плоско и дрябло, а сам он свеж, умен и крепок <...> теперешние молодые люди увлекаются и впадают в крайности, но в самых увлечениях сказывается свежая сила и неподкупный ум...» («Базаров») [11, т. 4, с. 201].

Н.Н. Страхов, выступивший тогда же арбитром в споре Антоновича и Писарева, точно подметил одну из главных черт личности и деятельности последнего: «Г. Писарев никогда не лукавит с читателями; он договаривает свою мысль до конца. Благодаря этому драгоценному свойству роман Тургенева получил блистательнейшее подтверждение, какого только можно было ожидать. Г. Писарев, человек молодого поколения, свидетельствует о том, что Базаров есть действительный тип этого поколения и что он изображен совершенно верно» (Время, 1962, № 4) [8, с. 73].

Сам Тургенев высоко оценил статью «Базаров»: «Статья Писарева в “Русском слове” мне показалась очень замечательная», — писал он П.В. Анненкову 8/20 июня 1862 г. [17, т. 5, с. 74]. «Разбор Писарева необыкновенно умен, — повторил Тургенев в 1864 г. — Я должен сознаться, что он почти вполне понял, что я хотел сказать Базаровым» [7, т. 2 с. 67].

В марте 1867 г. состоялось личное знакомство писателя и критика. Вопреки ожиданиям, Писарев произвел на Тургенева впечатление воспитанного юноши (в частности, писатель отметил его сдержанность во время спора с участием В.П. Боткина) [7, т. 2, с. 76]. Общались они прохладно, но откровенно, и Тургенев увидел в Писареве «человека честного и умного, которому не только можно, но и должно говорить правду» [18, т. 11, с. 33].

2

Вскоре после той встречи был опубликован еще один роман Тургенева — «Дым» (Русский вестник, 1867, № 3), последний из вышедших при жизни Писарева. Новый роман вызвал еще больше нареканий — критики упрекали автора в недостатке патриотизма, отмечали бледность центрального персонажа Литвинова и малопонятную любовь к нему сразу двух молодых женщин — роковой Ирины и «тургеневской девушки» Татьяны. «В Дыме нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна <...> я не могу трезво смотреть на автора, личность к<отор>ого не люблю, но, кажется, мое впечатление общее всем. Еще один кончил», —

писал Л.Н. Толстой А.А. Фету 28 июня 1867 г. [15, т. 61, с. 172]. Убеждение критиков, что «Дым» вышел слабее прежних романов Тургенева, в целом разделяли и позднейшие исследователи. Так, Л.В. Пумпянский увидел в «Дыме» роман «облегченного», «западнобуржуазного» типа, «первый у Тургенева пример беллетристики» [12, с. 481].

Тургенев ждал отзыва Писарева. «Благодарю заранее за обещание сообщать толки; что-то скажет Писарев? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом», — писал он П.В. Анненкову 24 апреля/6 мая 1867 г. [17, т. 7, с. 189]. И уже 10/22 мая 1867 г. Тургенев адресует к Писареву лично, желая поскорее узнать его мнение о «Дыме».

Писатель ставит перед критиком вопрос, который его особенно занимал в данном случае: «...какое впечатление произвел “Дым” на Вас и на Ваш кружок — рассердились ли Вы по поводу сцен у “Губарева” и эти сцены заслонили ли для Вас смысл всей повести?» [17, т. 7, с. 204]. Как известно, в сценах у *Губарева* памфлетно изображен заграничный кружок неких русских демократов, проводящих время в сплетнях и болтовне о судьбах России.

Свое мнение о «Дыме» Писарев изложил коротко, откровенно и вполне литературно в личном письме к Тургеневу от 18/30 мая 1867 г., уточнив, что у него «нет кружка» и рядом нет даже единомышленников, за которых он бы мог поручиться: «Словом, я стою один и могу поделиться с Вами только моим личным мнением» [11, т. 11, с. 279].

Слово «стою» употреблено здесь как будто не совсем по-русски и тем не менее сознательно — это *автоцитата* из статьи 1862 г.: «Базаров один, сам по себе, стоит на холодной высоте трезвой мысли, и ему не тяжело это одиночество, он весь поглощен собою и работою...» («Базаров», VI) [11, т. 4, с. 184]. Это одно из подтверждений тому, что в статьях «Базаров» и «Реалисты» Писарев высказал много личного. «А Базаровым все-таки плохо жить на свете, хоть они припевают и посвистывают. Нет деятельности, нет любви, — стало быть, нет и наслаждения. Страдать они не умеют, ныть не станут, а подчас чувствуют только, что пусто, скучно, бесцветно и бессмысленно» («Базаров», XI) [11, т. 4, с. 202]. И в 1862, и в 1867 г. Писарев страдал от неразделенной любви и разлада с окружающими, отождествляя себя с «бобылем» Базаровым.

Отсутствие у Писарева «кружка» удивило Тургенева, так что он даже посочувствовал ему в ответном письме — впрочем, назидательно заметив:

«Писателю, особенно критику, не следует быть одиноким». Это почти библейское: «Нехорошо быть человеку одному» (Бытие 2: 18). И, что любопытно, библейские аллюзии возникают в их переписке не раз.

Неожиданным для Тургенева было и то, что его художественная провокация не вызвала у критика эмоциональной реакции, на которую он рассчитывал. «Сцены у Губарева меня нисколько не огорчают и не раздражают. Есть русская пословица: дураков в алтаре бьют», — отвечал Писарев [II, т. II, с. 280].

А еще Писарев заметил (и сделал это уже как профессиональный критик), что «сцены у Губарева составляют эпизод, пришитый к повести на живую нитку» — так, по его мнению, писатель хотел соблюсти баланс, дабы в своей критике *правых* (кружка генералов) не оказаться «в несвойственном ему обществе красных демократов» [II, т. II, с. 280]. Тем самым Писарев намекнул на шаткость либеральных воззрений Тургенева. В среде «красных демократов» (к которым принадлежал и Писарев) было обычаем свысока глядеть на либералов с их половинчатыми и переменчивыми убеждениями. Словом, ответ на поставленный автором вопрос Писарев дал острый и даже немного пристыдил Тургенева за «глубоко фальшивую и неожиданно сладкую руладу» в финале, где упоминалось «великое царское слово: “свобода”» (гл. XXVII). Демократы не ощущали на себе этой свободы и при «царе-освободителе». «Современник» и «Русское слово» — органы русской демократии — были запрещены после покушения Каракозова (1866), ввиду «доказанного с давнего времени вредного их направления» [II, т. II, с. 502]; «нигилистов» арестовывали по малейшему подозрению и высылали из столиц без суда; цензурный режим второй половины 1860-х гг. был настолько суров, что Писарев стал терять интерес к литературной работе.

3

Свое мнение о романе в целом Писарев высказал, как всегда, без обиняков: «“Дым” меня решительно не удовлетворяет» [II, т. II, с. 280]. Главная претензия критика состояла в том, что в числе разнообразных персонажей «Дыма» он не нашел никого, кто напомнил бы ему Базарова, — и это при том, что в романе много говорится о России, а действие датировано 1862 г. А это был всем памятный год, когда вышел в свет роман «Отцы и дети», когда в Петербурге разбрасывались революционные прокламации и горел

Апраксин двор, когда молодежь ждала революции и когда был арестован (за революционную агитацию) сам Писарев.

Ответив на вопрос Тургенева, критик ставит перед ним свой вопрос, вроде библейского, который Тургенев оценил (воспроизвел в своем ответе): «Каин, где брат твой Авель? <...> Иван Сергеевич, куда Вы девали Базарова?» [11, т. 11, с. 280]. Писаревская критика «Дыма» вообще образна: автор *не заметил слона*, и «не при первом, а при втором посещении кунсткамеры»; он выбрал в качестве ориентира «низкую и рыхлую муравьиную кочку», забыв о том, что у него есть «каланча», которую он же сам открыл и описал.

Упрек серьезный: через пять лет после опубликования «Отцов и детей» выяснилось, что создатель Базарова *не понял* ключевой роли разночинцев в общественном движении 1860-х гг., а значит, утратил и понимание общественных процессов, происходивших в России. По крайней мере такой вывод сделал Писарев: «Неужели же Вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца? Или неужели же он с 1859 года успел переродиться в Биндасова?» [11, т. 11, с. 280]. Напомним, Тит Биндасов — это тип русского хама, остросатирический персонаж с «гнусным затылком» и беспримерной наглостью, который занимает деньги без отдачи и находит бесславный конец в трактирной драке.

В связи с Базаровым стоит еще припомнить «вьюношу», занимающегося естественными науками, над которым Потугин (если верить его рассказу) одержал блистательную победу в словесном поединке, во время которого студент-нигилист «с истинно детским ожесточением» *отрицал брак*, а Потугин его побивал аргументами из области зоологии. Сначала студент подтвердил как аксиому нелепое утверждение Потугина, что человек — *животное плотоядное и хищное*, а затем чуть не расплакался, когда тот сразил его открытием, что все хищные животные «пребывают в единобрачии» (гл. XIV). Правда, в числе «единобрачных» хищников Потугин назвал львов (живущих прайдами), но этой ошибки не заметили ни студент-естественник, ни Потугин, ни сам автор. Любопытно, что Достоевский в материалах к «Дневнику писателя» за 1875–1877 гг. ассоциирует этого юношу-нигилиста с *Писаревым*, опираясь на рассказ Тургенева о встрече с ним у В.П. Боткина: «Потугин и заплакавший нигилист: ложь и незнание действительности. Не заплакал бы, если б и был сбит. Не сбили же вы Писарева, он просто молчал» [6, т. 24, с. 88]. Достоевский имел в виду вот эту фразу из воспоми-

нений Тургенева: «Не знаю, что подумал Писарев, но он ничего не отвечал мне. Вероятно, он не согласился со мною» [18, т. II, с. 32–33]. Но Иван Сергеевич лукавил: во время той встречи в марте 1867 г. Писарев не молчал, о чем ясно свидетельствует начало его письма к Тургеневу: «Я и тогда говорил с Вами совершенно откровенно...» [11, т. II, с. 279].

«Дым» явно тяготел к сатире: Тургенев смеялся над всем и всеми, исключая Литвинова и двух его женщин. Литвинов же воплощает в романе некую золотую середину (которая была близка и самому писателю). Крайности ему чужды, и даже его короткий роман с замужней Ириной не имел серьезных последствий, если не считать отложенной женитьбы на Татьяне. «На Литвинове, как на полированном стекле, нет ни одного пятнышка, но от него, как от стекла, не дождешься ни одного человеческого звука. Это, в полном значении слова, благопристойное ничтожество, выведенное из своей рутинной сферы только на время любовью к Ирине», — писал Г.Е. Благосветлов [3, № 1, с. 8]. Как точно заметил Страхов, в Литвинове «ничего нет, кроме благоразумия и честности», и даже сам автор не смог «порядочно заинтересоваться такую будничною, бесцветною личностью» [14, с. 211]. Писарев тоже не увидел в Литвинове героя времени — он разглядел в нем лишь еще одного *друга Аркадия Николаевича*, «которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво» [11, т. II, с. 280].

4

В ответном письме к Писареву от 23 мая/4 июня 1867 г. (из Баден-Бадена) Тургенев скороговоркой признал, что его Литвинов «дюжинный честный человек — и все тут» [17, т. 7, с. 209]. Видимо, он сам к тому времени осознал, что Литвинов неинтересен (во всяком случае критики дружно убеждали его в этом), и ему явно не хотелось обсуждать с Писаревым этого неудавшегося героя. Однако упрек Писарева, что автор «Дыма» проглядел базаровский элемент в общественном движении шестидесятых годов и тем самым отнял у своего романа «всякое серьезное значение» [11, т. II, с. 281], задел Тургенева за живое. «Вам “Дым” не нравится, так же как и почти всем русским читателям; ввиду такого единодушия я не могу не заподозрить достоинств своего детища...» [17, т. 7, с. 208]. И он готов спорить с Писаревым: «Ваши аргументы мне кажутся не совсем верными» [17, т. 7, с. 208]. В обтекаемых выражениях Тургенев дает понять Писареву, что его оцен-

ка Базарова как значимого общественного типа кажется ему завышенной: «...а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью, даже фальшью. “Каланча” эта, стало быть, не годится...» [17, т. 7, с. 209].

Зато автор охотно беседует с читателем устами другого персонажа, Потугина, изрекающего желчные парадоксы о России и русских в своих беседах с Литвиновым. Критики сразу догадались, что Тургенев высказал от имени Потугина много собственных мыслей и чувств, не исключая и потугинского *odi et amo*: «...я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную дорогую родину» [18, т. 7, с. 276]. О том же свидетельствует (хотя и пристрастно) Достоевский, рассказавший в письме к А.Н. Майкову от 16/28 августа 1867 г. о своей встрече с Тургеневым в Баден-Бадене: «Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: “Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве”» [6, т. 28, кн. 2, с. 210]. И хотя это парафраз слов Потугина, показательно убеждение Достоевского, что от лица этого персонажа говорит сам автор.

Так же охотно Тургенев говорит о Потугине во втором послании к Писареву, вполне признавая резонерскую функцию этого персонажа: «Быть может, мне одному это лицо дорого; но я радуюсь тому, что оно появилось, что его наповал ругают в самое время этого всеславянского опьянения, которому предаются именно теперь, у нас» [17, т. 7, с. 209]. Потугин «был нужен автору как маска его собственных назиданий», — писал Г.Е. Благодетлов [3, № 1, с. 7].

5

С Потугиным связано курьезное недоразумение, возникшее в ходе этой переписки: Тургенев уверенно предположил, что Писарев, говоря о Литвинове, *перепутал* его с Потугиным. И это при том, что критик не сказал о Потугине *ни единого слова* и ясно дал понять, что имеет в виду именно Литвинова: «Вы подводите итоги с его точки зрения, Вы его делаете центром и героем романа...» [11, т. 11, с. 280]. Литвинов, при всей своей блеклости, действительно является центром повествования — он связывает все события романа, на него обращены взоры других персонажей, и его глазами писатель смотрит на всё происходящее, в том числе и на Потугина. Как

писал Ю.В. Манн, «по системе связей с другими персонажами и характеру авторской интроспекции Литвинов выдвигается на центральное место» [9, с. 142].

Вообще Писарев не допускал столь грубых промахов, чтобы рассуждать об одном лице романа, имея в виду совсем другое. Вдобавок он тогда обдумывал статью о «Дыме» и наверняка помнил его действующих лиц (кроме Литвинова, он упоминает в письме Губарева, Ратмирова, Биндасова), следовательно, едва ли мог их перепутать, тем более что Литвинов и Потугин совершенно не схожи. И, говоря о *подведении итогов с точки зрения Литвинова*, Писарев, конечно же, имел в виду размышления героя из XXVI главы «Дыма», которые чаще всего ставили писателю в упрек: «“Дым, дым”, — повторил он несколько раз; и всё вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское. Всё дым и пар, думал он <...> и даже всё то, что проповедовал Потугин... дым, дым и больше ничего» [18, т. 7, с. 397]. Наконец, взгляд на современность с высоты «рыхлой муравьиной кочки» — это, скорее, взгляд Литвинова, который, по собственному признанию, не имеет «никаких политических убеждений» (гл. IV), тогда как Потугин позиционирует себя как «западник», преданный европейским началам «до чрезвычайности» (гл. V).

Ошибку Тургенева (т. е. его ложную уверенность в ошибке Писарева) отчасти подтверждает он сам, опровергая сравнение *Литвинова-Потугина* с Аркадием Кирсановым: «...у Аркадия нет никаких убеждений — а Потугин умрет закоренелым и заклятым западником, — и мои труды пропали даром, если не чувствуется в нем этот глухой и неугасимый огонь» [17, с. 209]. Как видим, Литвинов и Аркадий характеризуются Тургеневым в одних и тех же выражениях. А сравнение Потугина с Аркадием прозвучало бы совсем уже странно из уст Писарева, знавшего «Отцов и детей» наизусть. Тем не менее Тургенев счел нужным наставительно заметить, что «критическое чувство» Писареву «изменило»: между Аркадием и Потугиным «ничего нет общего». Это чистая правда, с тем лишь уточнением, что Писарев говорил не о Потугине, а о Литвинове.

Однако и Литвинова автор не захотел отнести к числу скромных обывателей, идущих по стопам отцов: «А об Литвинове и говорить нечего: он тоже не Аркадий...». Полагаем всё же, что писаревское сравнение Литвинова с Аркадием метко обрисовывает его характер, потому что *друг Арка-*

дуй — это и есть «дюжинный честный человек», каким является, по словам самого автора, Литвинов (а Потугин отрекомендован читателю как человек «недюжинный»).

Некоторый повод для смешения этих персонажей дал, впрочем, сам Писарев, вспомнивший о том, что Базаров просил Аркадия *не говорить красиво*. Видимо, эта реминисценция и позволила Тургеневу заподозрить ошибку со стороны критика, поскольку даром красноречия в романе наделен Потугин, а Литвинов больше молчит и только однажды «красиво» размышляет — в том самом «итоговом» внутреннем монологе о «дыме» *всего русского*. Но это опять-таки тонкий намек Писарева на размытую позицию самого автора, который, подобно Протею, высказывается то от лица Потугина, то от лица Литвинова. В этом смысле для Писарева действительно не было большой разницы между тем и другим. Для критика-реалиста была важнее точка зрения самого Тургенева, а она обозначена достаточно ясно и подтверждена его письмами. И, что характерно, Тургенев целиком принял «низкую и рыхлую кочку» на свой счет, не без торжественности объявив Писареву, что кочку он выбрал «не такую низкую», как полагает его оппонент: «С высоты европейской цивилизации можно еще обозреть всю Россию» [17, с. 209]. Современные тургеневеды (П. Уоддингтон, Н.П. Генералова, и др.) также считают, что черты автора есть и в Потугине, и в Литвинове [20, с. 142; 4, с. 338].

Важно и то, что Тургенев, сам указавший на прототипы своих героев, в случае с Потугиным не назвал *никого*, заставляя исследователей делать предположения. В частности, Уоддингтон, приведя тургеневскую фразу из детального плана: «Не верит в Бога — но сокрушается втайне этим и никогда не кощунствует», — комментирует ее так: «Создается впечатление, что Тургенев говорит о себе» [20, с. 141]. Конечно, это предположение не лишено оснований.

6

Из «Формулярного списка действующих лиц новой повести» (1863) видно, что Тургенев задумывал Потугина как «главное лицо всей повести», намереваясь изобразить в нем «философа русского в настоящем смысле слова, человека, глубоко <...> понявшего Россию и русских» [20, с. 109]. Впрочем, к написанию романа Тургенев приступил только в ноябре 1865 г.,

а закончил его в январе 1867 г., поэтому многое из задуманного претерпело изменения. И, сравнивая замысел с его воплощением, придется констатировать, что Потугин не получил в романе «главной» роли. Этого персонажа слишком заслоняет любовная история, связывающая Литвинова, Ирину и Татьяну (описанная самым подробным образом). А роль Потугина в романе — эпизодическая и резонерская.

«Недюжинность» Потугина заявлена автором, но не очевидна для читателя. Как верно писал А.И. Батюто, «В жалком облике Потугина, в его почти приниженной фигуре, во всем его поведении не обнаруживается ни признаков “гениальной натуры” Рудина или красоты духовного мира Лаврецкого, ни железной целеустремленности Инсарова, ни силы и трагизма переживаний, присущих Базарову» — Тургенев «изображает в нем прежде всего умного неудачника» [2, с. 357, 365].

Отсюда понятно безразличие Писарева к этому персонажу: он всегда был на стороне «молодых», «свежих» и «новых» людей, а Потугин — человек во всех смыслах «отставной» и помятый жизнью, находящий утешение лишь в продолжительном отдыхе за границей и долгих разговорах. Неспособность Потугина наполнить слова живыми делами лапидарно изобличает финальная фраза романа: «Та девочка, которую поручили его попечением, недавно умерла» (гл. XXVIII) [18, т. 7, с. 407].

«Философом» можно назвать Потугина лишь с большой натяжкой, хотя уже первые критики находили в его речах влияние П.Я. Чаадаева (см. историю вопроса: [4, с. 326–327]). Это не философия, а, скорее, публицистика в непринужденной форме — квинтэссенция вульгарного западничества, а равно сатира на русскую самобытность и русский национальный характер.

Уже первые критики заметили, что сарказмы Потугина «иногда остроумны, но в целом удивительно мелки и поверхностны» [14, с. 226] и что его амбивалентные чувства к родине («люблю и ненавижу») в меньшей степени питаются любовью. Острее других это почувствовали Толстой, Тютчев, «почвенники» (Достоевский, Страхов, Николай Соловьев), и даже старый западник Герцен увидел в Потугине надоедливого болтуна, сравнил его с фонтаном, который хочется *заткнуть* по совету Козьмы Пруткова («Отцы сделали дедами», 1867) [5, т. 19, с. 261]. «Это бесцельное, бессвязное и исполненное противоречий старческое ворчанье...» — сказал о речах Потугина демократ Благовестлов [3, № 1, с. 7]. А Тютчев, говоря о воззре-

ниях Тургенева в связи с «Дымом», употребил в то время еще редкое слово «*русофобия*» (в письме к А.Ф. Аксаковой, 20 сентября 1867 г.) [19, с. 269; об этом: 4, с. 479]. «У Тургенева-Потугина мы видим именно национальное самоуничужение», — писал позднее Д.Н. Овсяннико-Куликовский [10, с. 21].

При всей определенности характеристики Потугина в письмах Тургенева, образ его вышел таким же зыбким, как и весь роман. С одной стороны, «неугасимый огонь» его западнических убеждений как будто противопоставлен «дыму» пустых речей других персонажей; с другой стороны, речи Потугина кажутся Литвинову тем же «дымом». А для Писарева потугинские сарказмы и парадоксы были скорее дымовой завесой, скрывающей дезориентированную личность автора.

Главное (применительно к задачам нашего сюжета) — то, что Потугин не воплощает собой узнаваемого «русского» типа (хотя автор и желал представить его таковым). Как писал критик Николай Соловьев, «Потугин собственно не характер, а скорее тень или более или менее верное отражение личных мнений и чувствований автора» («Дым отечества. Критика романа И.С. Тургенева “Дым”, 1867) [13, ч. 3, с. 168]. И Писарев закономерно проигнорировал этого персонажа — он был критик-реалист, а значит, оценивал художественные фигуры лишь в соотношении с типами, которых он встречал в реальной жизни. Потугиных он либо не встречал, либо не обращал на них внимания.

7

«Едва ли теперь для дельного и практического журналиста можно найти лучший девиз, чем: “Европейская цивилизация” — даже в потугинском вкусе», — написал Тургенев в конце второго послания к Писареву (23 мая/4 июня 1867 г.) [17, т. 7, с. 209–210]. Хотел того писатель или нет, но девиз прозвучал как наставление. Почти теми же словами Потугин прощается с Литвиновым, который едет в Россию: «Позвольте же старому болтуну — ибо я, увы! болтун и больше ничего — дать вам напутственный совет. Всякий раз, когда вам придется приниматься за дело, спросите себя: служите ли вы цивилизации...» [18, т. 7, с. 395].

Тургенев забыл о том, что его адресата не требовалось убеждать в значении европейской цивилизации. Писарев неустанно пропагандировал ее достижения в своих статьях, одновременно сурово оценивая прошлое

и настоящее своей страны. Когда-то он даже выразился в эпатажном чаадаевском стиле: «Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и без отвращения; нам не на что оглядываться, нам в прошедшем гордиться нечем; мы молоды как народ...» («Бедная русская мысль», 1862) [II, т. 4, с. 215].

Однако и фанатичным поклонником Запада «в потугинском вкусе» Писарев не был — он лишь разделял с западниками «их стремление к европейской жизни», сходясь в то же время со славянофилами «в их отвращении к цивилизаторам, насильно благодетельствующим человечеству» (имея в виду прежде всего Петра I, в приказном порядке вводившего западные обычаи и учреждения) [II, т. 4, с. 214–215]. Вообще же Писарев был против навешивания ярлыков: «Ничто не может быть бесцветнее и неопределеннее общих выражений: обскурант, прогрессист, либерал, консерватор, славянофил, западник; эти выражения нисколько не характеризуют того человека, к которому они прикладываются; они надевают непрошенный мундир на его умственную личность и вместо живого человека, мыслящего и чувствующего по-своему, показывают нам неподвижную вывеску замкнутого круга убеждений» («Русский Дон-Кихот», 1862) [II, т. 4, с. 87].

При всем глубоком интересе к западной культуре Писарев не имел возможности познакомиться с ней изнутри — у него не было даже случая побывать в Европе туристом (Третье отделение не давало ему заграничный паспорт), а значит, не имел и особых причин фетишизировать «европейскую цивилизацию». Его письмо к Тургеневу говорит о том, что он скорее согласился бы с «почвенником» Страховым, который сказал, что «русская жизнь может показаться дымом только тому, кто этою жизнью не живет, кто не участвует ни в едином ее интересе» [I, с. 226].

Если бы Писарев изложил свое мнение о «Дыме» в виде статьи (обстоятельства помешали ему сделать это), он вряд ли смог бы умолчать о Потугине и, скорее всего, охарактеризовал бы его как «фразера» (он любил это слово). По его определению, фразер — это тип человека, «совершенно чистосердечно увлекающегося потоком своего красноречия <...>, для которого слово заменяет дело и который, живя одним воображением, прозябает в действительной жизни» («Писемский, Тургенев и Гончаров», 1861) [II, т. 3, с. 248].

Еще в начале 1860-х гг. Писарев упоминал споры славянофилов и западников как неактуальные в реалиях пореформенной России. Отсюда понятно отсутствие у него интереса к фигуре Потугина с его экзальтированным западничеством времен Чаадаева и Белинского. Показательно, что и другие критики (П.В. Анненков, Н.Н. Страхов, Г.Е. Благовестов, П.Л. Лавров) отмечали анахроничность речей Потугина, его пристрастие к фразам и лозунгам при слабом понимании того, что такое *цивилизация* в научном значении слова.

Говоря же строго фактически, Писарев *не заметил* Потугина в романе «Дым», точно так же как Тургенев не заметил Базарова среди русских типов 1860-х гг. В письме к А.П. Filosoфовой от 11/23 сентября 1874 г. Тургенев прямо заявлял, что «в действительной жизни» Базаровых искать бесполезно: «Времена переменялись; теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение...» [17, т. 13, с. 181]. И это было кредо Тургенева. «Я всегда был и до сих пор остался “постепеновцем”, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ *только свыше*, — принципиальным противником революций...» — писал он М.М. Стасюлевичу 2 января 1880 г. (из Парижа) [16, т. 15, с. 185]. И здесь взгляды писателя и критика расходились кардинально. Тургенев желал видеть героем эпохи либерала, русского европейца, героя малых дел, «постепеновца», а Писарев связывал будущее России с деклассированной и радикально настроенной интеллигенцией («мыслящим пролетариатом»), находя образцы для подражания в Базарове, «новых людях» Чернышевского, Молотове Помяловского, Рязанове Слепцова. И только таких людей он считал героями 1860-х гг.

8

Диалог Тургенева и Писарева вылился в *quirgoquo*. Каждый твердил о своем: Писарев о Базарове, а Тургенев о Потугине — о том, что меньше всего занимало собеседника во время спора. Естественно, каждый остался при своем мнении. Тургенев вежливо предложил Писареву встретиться в Баден-Бадене (даже не подозревая о том, что Писарев был невыездным), а тот не менее вежливо предложил обмениваться письмами и больше не пи-

сал. Можно предположить, что Писарев утратил интерес к переписке после второго письма Тургенева, которое убедило его в том, что у них мало общего и продолжать запутанный спор бесполезно.

Они в самом деле плохо понимали друг друга, и их взаимный интерес был ограниченным. Писарев интересовал Тургенева в первую очередь как выразитель настроений «кружка» радикальной молодежи («как симптом»), а Писарев ценил в Тургеневе главным образом первооткрывателя базаровского типа. Как выяснилось, Писарев не был глашатаем кружковых мнений, а Тургенев не видел в Базарове героя 1860-х гг. Сойдясь в понимании *образа* нигилиста Базарова, писатель и критик разошлись в понимании *эпохи*, последовавшей за смертью Базарова.

Писарев был ровесником Базарова и одним из наиболее известных шестидесятников. Он понимал это время не созерцательно, как Тургенев, а органически и деятельно. Тюремное заключение Писарева (1862–1866) было следствием его убеждений, и в этом смысле он был под стать Базарову. «Он честен, правдив и демократ до конца ногтей <...>, и если он называется нигилистом, то надо читать: революционером», — писал Тургенев К.К. Случевскому 14/26 апреля 1862 г., объясняя характер Базарова [17, т. 5, с. 57–58]. Эти слова целиком приложимы и к Писареву. Сообщая автору «личное мнение» о его новом романе, Писарев, сам того не желая, выразил точку зрения широкого круга демократической интеллигенции, которая *не узнала «себя и своих»* в шаржированных фигурах «Дыма».

Список литературы

- 1 Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. 515 с.
- 2 Батюто А. И. Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972. 388 с.
- 3 Благовестлов Г.Е. <псевдоним «Н. Лунин»> Старые романисты и новые Чичиковы // Дело. 1868. № 1. С. 1–17 (отд. пагинация); № 3. С. 1–20. (отд. пагинация).
- 4 Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа: из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 583 с.
- 5 Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1966.
- 6 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 7 И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983.
- 8 Критика 60-х гг. XIX века / сост. Л.И. Соболев. М.: АСТ, 2003. 445 с.
- 9 Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М.: Сов. писатель, 1987. 319 с.

- 10 Овсянко-Куликовский Д.Н. Этюды о творчестве И.С. Тургенева. Изд. 2-е. СПб.: Орион, 1904. 266 с.
- 11 Писарев Д.И. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Наука, 2000–2013.
- 12 Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
- 13 Соловьев Н.И. Искусство и жизнь: в 3 ч. М.: Изд. С.П. Анненкова, 1869.
- 14 Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 430 с.
- 15 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1935–1964.
- 16 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 15. 495 с.
- 17 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Изд. 2-е. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982– (продолжающееся изд.)
- 18 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Изд. 2-е. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
- 19 Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: ИЦ Классика, 2004. Т. 6. 590 с.
- 20 Уоддингтон П. Тургенев И.С. <Подготовительные материалы к роману «Дым»> / Публикация и послесловие П. Уоддингтона // Русская литература. 2000. № 3. С. 106–143.

References

- 1 Antonovich M.A. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary criticism]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1961. 515 p. (In Russ.)
- 2 Batiuto A. I. *Turgenev-romanist* [Turgenev the novelist]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 388 p. (In Russ.)
- 3 Blagosvetlov G.E. <pseudonim “N. Lunin”> Starye romanisty i novye Chichikovy [Old novelists and new Chichikovs]. *Delo*, 1868, no 1, pp. 1–17 (separate pagination); no 3, pp. 1–20 (sep. pag.). (In Russ.)
- 4 Generalova N.P. *I.S. Turgenev: Rossiia i Evropa: iz istorii russko-evropeiskikh literaturnykh i obshchestvennykh otnoshenii* [Ivan Turgenev: Russia and Europe: from the history of Russian-European literary and public relations]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGI Publ., 2003. 583 p. (In Russ.)
- 5 Gertsen A.I. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1954–1966 (In Russ.)
- 6 Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
- 7 *I.S. Turgenev v vospominaniiaakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the memoirs of his contemporaries: in 2 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983.

- 8 *Kritika 60-kh gg. XIX veka* [Literary criticism of the 1860s], comp. by L.I. Sobolev. Moscow, AST Publ., 2003. 445 p. (In Russ.)
- 9 Mann Iu.V. *Dialektika khudozhestvennogo obraza* [Dialectics of the fictional image]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 319 p. (In Russ.)
- 10 Ovsianiko-Kulikovskii D.N. *Etiudy o tvorchestve I.S. Turgeneva* [Studies on the work of I.S. Turgenev]. 2nd ed. St. Petersburg, Orion Publ., 1904. 266 p. (In Russ.)
- 11 Pisarev D.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2000–2013. (In Russ.)
- 12 Pumpianskii L.V. *Klassicheskaia traditsiia: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical tradition: collection of works on the history of Russian literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 864 p. (In Russ.)
- 13 Solov'ev N.I. *Iskusstvo i zhizn': v 3 ch.* [Art and life: in 3 parts]. Moscow, Izd. S.P. Annenkova Publ., 1869 (In Russ.)
- 14 Strakhov N.N. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 430 p. (In Russ.)
- 15 Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1935–1964. (In Russ.)
- 16 Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 28 t.* [Complete works and letters: in 28 vols.]. Sochineniia [Works]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1968. Vol. 15. 495 p. (In Russ.)
- 17 Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.]. 2nd ed., *Pis'ma: v 18 t.* [Letters: in 18 vols.] Moscow, Nauka, 1982–(prodolzhaishcheesia izd. [ongoing ed.]). (In Russ.)
- 18 Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.]. *Sochineniia: v 12 t.* [Works: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1978–1986. (In Russ.)
- 19 Tiutchev F.I. *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma: v 6 t.* [Complete works and Letters: in 6 vols.]. Moscow, ITs Klassika Publ., 2004. Vol. 6. 590 p. (In Russ.)
- 20 Uoddington P. [Waddington P]. Turgenev I.S. Drafts to the Novel The Smoke. Edited and afterword by P. Waddington. *Russkaia literatura*, 2000, no 3, pp. 106–143. (In Russ., transl. from English)